

Увлекательный рассказ о том,
как пережить апокалипсис.
- BOOKLIST

ОСТЕРЕГАЙСЯ
ВОЛКОВ В ЛЕСАХ...

ДЕВУШКА
В КРАСНОМ

КРИСТИНА
ГЕНРИ

ЗЛЫЕ СКАЗКИ КРИСТИНЫ ГЕНРИ

Злые сказки Кристины Генри

Кристина Генри
Девушка в красном

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Генри К.

Девушка в красном / К. Генри — «Издательство АСТ»,
2019 — (Злые сказки Кристины Генри)

ISBN 978-5-17-127121-3

Всего три месяца назад ее мир был скучен и предсказуем. Пока не случился всемирный Кризис, уничтоживший большую часть населения и заставивший выживших бежать в карантинные лагеря. Однако, Краш, девушке в красной куртке, известно, что там процветают болезни и смерть. Единственный для нее выход – сбежать к бабушке в глухой лес... где стало очень небезопасно: по ночам появляются койоты, змеи и волки. Но в лесу есть угрозы похуже, чем преследующие своих жертв хищники. Иногда встречаются люди с темными желаниями, слабой волей и злыми намерениями. Однако Краш еще не знает, что впереди ее ждет нечто более страшное, чем все ужасные люди и злобные звери вместе взятые. Краш не собиралась становиться убийцей, но иначе одной в лесу не выжить...

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-127121-3

© Генри К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кристина Генри

Девушка в красном

Christina Henry

THE GIRL IN RED

Copyright © 2019 by Tina Raffaele

© В. Соломахина, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава первая Вкус испуга¹

В лесу, где-то в Америке.

Чужак окинул Краш беглым взглядом поверх пламени костра – растрепанные кудряшки, торчащие из-под красного капюшона, небольшой топорик с темной, словно тень, полоской засохшей крови, лежащий на земле возле рюкзака с припасами – и уставился ей в лицо, на котором она старательно изобразила тупое смирение, совершенное без эмоций.

Она прекрасно понимала мысли парня и его намерения. Такие, как он, встречались повсюду и до и после того, как все полетело к чертям, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы растолковать его взгляд. После начала Кризиса (даже мысленно она всегда называла его именно так, с большой буквы) этот тип наверняка многих насильовал, убивал и грабил, нападал на тех, кого считал слабее, или заставлял врасплох, и только поэтому выжил.

Девчонку с протезом вместо ноги многие считали легкой добычей – неповоротливой, убогой калекой, но скоро понимали свою роковую ошибку. О недавнем случае напоминал окровавленный топор, как магнитом притягивающий взгляд незваного гостя, что забрел на огонек.

Лезвие не мешало бы протереть, конечно, не ради того, чтобы никого не напугать. Просто, кроме мозгов, топорик был ее единственным оружием, и за ним нужно ухаживать.

Этот тип заявился из чащи с видом заправого бабника: «Эй, красотка, составить тебе компанию?» и начал заливать про уютенький костерок среди промозглой тьмы. На голове совсем короткий ежик, будто недавно побрился наголо и еще не оброс. Может, военный, потому и побрился? Тогда, похоже, дезертир, костлявый, жилистый, чем-то напоминающий койота. Голодного койота.

Главное, на больного *не похож*. Хотя все подцепившие эту заразу сперва кажутся здоровыми. Это потом бьет кашель, глаза наливаются кровью, и буквально через несколько дней... в общем, сначала этот Кашель коварно слабый, немного першит в горле, но никак не проходит, все усиливается и вдруг становится гораздо хуже, словно мелкая стычка исподволь перерастает в мировую войну.

Краш заметила, как оттопыривается поношенная камуфляжная куртка незнакомца. Даже интересно стало, умеет он пользоваться оружием или просто любит размахивать стволом, прикидываясь настоящим мужиком.

Она выжидала, не собираясь любезничать с хищником, который наметил ее очередной жертвой. Даже не удосужился представиться, а уже тянется к костерку, который она так старательно разводила.

– Так ты?.. – начал он, снова окинув ее беглым взглядом и на мгновение задержавшись на левой лодыжке, блеснувшей металлом из-под штанины.

– Что я? – переспросила она тоном, не располагающим к продолжению беседы.

Он замялся, похоже, передумал и взмахнул рукой возле лица.

– Глаза у тебя светлые, а сама смуглая. Полукровка что ли?

Она всё еще безразлично смотрела на него как на пустое место.

– Полу... Что? – повторила она, словно не понимая.

¹ Здесь и далее цитаты из «Макбета» У. Шекспира в переводе М. Лозинского. «Макбет», акт 5, сцена 5 (*Здесь и далее, если не указано иное – прим. пер.*)

Внешность у нее и впрямь была необычная, обманчивая, и белые часто терялись в догадках, за кого ее принимать. Она могла оказаться с примесью африканских или ближневосточных кровей, латиноамериканкой или просто смуглой итальянкой. Всех сбивали с толку зеленовато-голубые глаза, унаследованные от отца.

В поисках разгадки люди невольно переводили взгляд выше, к волосам, но у нее были такие крупные густые завитки, которые могли принадлежать любому роду-племени. За свою жизнь она привыкла к оценивающим взглядам и дурацким вопросам, но одно ее всегда удивляло (хотя, казалось, не должно бы): сколько людей обращало внимание на подобную чепуху, несмотря на неумолимо приближающийся конец света.

– Просто интересно стало, что... – снова начал он.

– У меня на родине приставать к незнакомым с расспросами о происхождении не принято.

– Понятно, – сник незнакомец, слегка подрастеряв ту дерзость, с которой заявился на поляну.

– Что же ты делаешь одна в лесу? Вроде всех распределили по ближайшим карантинным зонам, – наконец нашелся он, игнорируя намек на то, что не мешало бы представиться.

Ну что ж, значит, подружиться не получится. Да и не очень-то хотелось.

– А *сам-то* чего в одиночку по лесам бродишь? – ответила она вопросом на вопрос.

– Так получилось, – смешался он, переминаясь с ноги на ногу, взгляд стал беспокойным – сейчас совет, как пить дать. – Отстал от своих в темноте. На военных наткнулись, вот и разбежались кто куда.

– Военных? – не смогла она скрыть беспокойства. – Пеший патруль?

– Точно.

– И сколько их?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Несколько человек. Темно было, и в карантин совсем не хотелось. Как и тебе. *«Нечего тут примазываться, нет у нас ничего общего».*

– Вы шли от шоссе? А они куда направлялись? Они за вами гнались?

– За мной хвоста нет. Позади никого слышно не было.

Похоже, сплошные выдумки, чтобы объяснить, как он оказался в лесу с пустыми руками, без спутников, и зачем ошивается у ее костерка, словно в надежде чем-то поживиться.

Хотелось верить, что он и в самом деле такое трепло, каким кажется, ведь встреча с солдатами была бы совсем ни к чему.

Власти стремились держать людей в загоне на карантине, «чтобы пресечь дальнейшее распространение болезни». Услышав это заявление, она только фыркнула – в толпе людей, скученных на ограниченном пространстве, зараза распространяется быстрее всего, неужели врачи такие идиоты? В общем, торчать в карантине ей некогда. Надо добраться до бабушки, а путь не близкий.

В тот день Краш с опаской проходила недалеко от шоссе, а там гораздо чаще можно встретить военных, да и просто людей, ведь они обычно держатся вблизи городов и магистралей. На патруль, к счастью, не нарвалась, но уже в лесу, в паре-тройке миль от шоссе, столкнулась... с тремя гражданскими. С тех пор она спешила обходить людные места стороной. Попугачики ей ни к чему.

Не получив приглашения присесть за компанию, «койот» явно стушевался, не зная, что делать дальше, и все его обманутые надежды четко читались на лице. Он рассчитывал, что девушка из вежливости пригласит его к костру, доверится ему, ведь они оба остались в одиночестве, а стадный инстинкт побуждает людей тянуться к себе подобным. А потом он застанет ее врасплох или улучит момент, когда она заснет, получит от нее всё, что захочет, и скроется. Но девчонка разрушила его планы, а быстро менять тактику он не умел.

Только она у мамы выросла не такой дурочкой, чтобы приваживать всяких шакалов. Она помешала похлёбку в котелке над костром и решила, что еда готова.

– Вкусно пахнет, – с надеждой намекнул «койот».

– Еще бы, – отозвалась Краш, сняла котелок с огня и положила часть варева в миску.

– У меня со вчерашнего дня во рту маковой росинки не было, – пожаловался парень.

Краш поставила миску на колени, зачерпнула чуть-чуть самым кончиком ложки и поднесла к губам. Есть было еще рано, горячая похлёбка не остыла, и девушка обожгла язык. Теперь онемееет на несколько часов, но она не подала виду. Просто смотрела на незнакомца, выжидая, что тот еще придумает.

Он прищурился, и под овечьей личиной мелькнула волчья суть.

– У меня на родине с голодными принято делиться, – съязвил он.

– Надо же.

Не отрывая от него глаз, она зачерпнула еще похлёбки. Как только он кинется на нее, придется пожертвовать остатками в котелке, жалко, конечно, очень хотелось есть и таскать за собой эти консервы нелегко.

И тут незнакомец выхватил пистолет, который всё это время тайком ощупывал, оскандился и рявкнул:

– А ну, сучка, гони сюда всё, что в мешке!

Краш спокойно отодвинула миску в сторону.

– Не дам.

– Гони рюкзак, не то застрелю, – шипел «койот», поводя стволом в ее сторону.

Он считал, что девушка испугается, но она только фыркнула. Он, совсем как мультяшный злодей из фильма, жалкая пародия на «крутого» – из тех, что пристают к главному герою в каком-нибудь переулке и огребают по полной за наглость.

Однако и недооценивать противника было бы глупо – с оружием в руках опасен даже полный идиот.

– Ты что, издеваешься?

Как и ожидалось, он с перекошенным от ярости лицом двинулся к ней в обход костра с той стороны, где она примостила котелок. Значит, опасался топора и держался от окровавленного лезвия подальше, хотя и старался этого не показать. Краш это вполне устраивало.

– Ну что, сучка, сдрейфила? – заворковал он, ошибочно приняв ее молчание за страх.

Она терпеливо выжидала, как рыбак клёва в летний день, и когда «койот» приблизился вплотную, схватила котелок и со всей прытью вскочила на здоровую ногу, оттолкнувшись свободной рукой, а потом оперлась на протез, чтобы не потерять равновесие.

Беда в том, что протез не пружинил – он был не из тех новомодных, с которыми можно исполнять акробатические трюки, но Краш приноровилась использовать здоровую ногу на все сто.

Не хватало еще, чтобы этот шакал ее убил ради еды.

От резкого движения тот замер, стрельнув глазами в сторону топора, опасаясь, что она его схватит. Пожалуй, можно было и не вставать, а просто рубануть его топором в бедро, но тогда схватка затянулась бы, а долго сопротивляться она не могла.

Зрелищные кулачные бои, как в кино, ей не нужны. Хотелось с ним разделаться, да побыстрее, чтобы он не успел на нее напасть.

Краш плеснула остатки кипящей похлёбки ему в лицо.

Чужак завизжал, уронил пистолет и схватился за лицо. Кожа стала покрываться волдырями, но главное, ей удалось попасть ему в глаз. Наверное, это жутко больно, но девушка старалась об этом не думать и подавила тошноту, накотившую от запаха ошпаренной плоти. Потом схватила топор и с размаху всадила ему в живот.

Краш почувствовала, как лезвие погрузилось в мягкие внутренности, как они сжимаются под его напором, руки окатило горячей кровью, а потом запах стал еще хуже – запах содержимого кишок, вываливающегося на землю. Тот скудный обед, что она успела проглотить, ринулся наружу вперемешку с желчью, встал комом поперёк горла, и она закашлялась, содрогаясь всем телом.

Но Краш не могла позволить врагу снова подняться и кинуться на нее, поэтому сначала рванула топор вбок, поперёк живота, и только потом выдернула лезвие. К этому чавкающему, хлюпающему звуку никак не привыкнуть, неважно, сколько бы ни приходилось пускать топор в дело, ее каждый раз пробирало до мурашек.

Тот человек (он все же оказался обычным человеком, а не «койотом» или охотником) рухнул ничком прямо на нее, и она едва успела неуклюже отпрянуть. Супергероиня из нее не лучше, чем киношный злодей из этого парня. Она обычная девушка, пытающаяся уцелеть в новом мире, нисколько не похожем на тот, в котором выросла, где всё было совершенно рационально, привычно и даже скучно всего лишь каких-то три месяца назад.

Парень повалился на землю, истекая кровью. Никаких стонов, содроганий и прочих театральных жестов, похоже, просто отключился из-за болевого шока от ожога и удара топором. «*Может, и выживет, – хотя Краш сильно сомневалась, – но чем чёрт не шутит*». Скорее всего, умрет, только она жалела не о содеянном, а о том, что другого выхода не было.

Краш не хотела считать себя убийцей, но и становиться чьей-то добычей только потому, что оказалась одна в лесу, совсем не собиралась.

Собрав вещички, она закинула за спину рюкзак, затушила костер, который так старательно разводила. Тщательно вытерла тряпочкой топорик, надела на лезвие чехол и пристегнула рукоять липучкой к поясу брюк.

Заметив тусклый отблеск звездного света на оброненном нападавшим оружии, она с отвращением подняла пистолет. Оставлять нельзя – если попадет в недобрые руки, у нее могут быть неприятности. В конце концов, из тех троих, с кем столкнулась накануне, она убила не всех.

Об оружии Краш знала только то, что на дух его не переносит. Отцу нравились детективные сериалы, и в них будто каждый персонаж знал, как снимать предохранитель, как заряжать оружие, даже если до этого они в глаза его не видели. Краш понятия не имела, как все это делать, и опасалась возиться с пистолетом в темноте. Так, чего доброго, еще прострелишь единственную здоровую ногу. Не меньшей глупостью казалось сунуть пистолет, наверняка заряженный, судя по тому, как им размахивал тот тип, в рюкзак или за пояс.

Даже прикасаться к этой холодной отвратительной железке было противно до глубины души, но пришлось так и идти, направив ствол в сторону от себя и не касаясь спускового крючка. Краш устремилась прочь от стоянки, где ранее надеялась заночевать и дать хоть немного отдыха натруженной после утреннего марш-броска культе, и уже на ходу снова с особой остротой ощутила, как хочется хоть ненадолго снять протез.

Она тщательно выполняла все необходимые процедуры: регулярно снимала протез на привале после ходьбы, протирала культю и смазывала кремом, чтобы не натереть мозоль, но снять его на ночь и просто дать ноге отдохнуть было особенно приятно.

«Койот», *том тин*, лишил ее вожаденного отдыха, и теперь она терзалась от голода, ведь толком поесть так и не удалось, злости из-за вынужденного убийства, хотя она этого совершенно не хотела, и возмущения оттого, что приходится через силу ковылять с ноющей ногой, да ещё тащить этот дурацкий мерзкий пистолет.

Перед самым рассветом послышалось бодрящее журчание, и она пошла на звук, постепенно замедляя шаг, – к проточной воде тянулось всё живое, в том числе медведи и люди, а Краш по возможности старалась избегать и тех и других, зная по опыту, как они опасны.

На берегу очень кстати оказались заросли какого-то кустарника, за которыми можно было спрятаться, и, внимательно проверив, нет ли там ядовитого плюща, – не хватало еще обжечь лицо и руки – она затаилась, высматривая, не видать ли вокруг какого движения.

Ручей оказался шести-семи футов шириной и довольно быстрым, а значит, можно запастись питьевой водой. Она прекрасно знала, что стоячая вода для питья непригодна, и просто не представляла, как можно на такое решиться, ведь она обычно зарастает зеленой тиной – разве что от безысходности, чтобы не умереть от жажды. Конечно, Краш повидала немало людской глупости еще до Кризиса, так что же говорить о сегодняшнем дне.

Бутылка была с фильтром для очистки воды от паразитов и прочей гадости, но ее пугало не это. В воде запросто мог оказаться труп, раздутый рассадник заразы, так и норовящей пристать к очередному носителю и произвести новые несметные полчища своих отпрысков.

Этот страх не подчинялся логике. Смертоносный Кашель распространяется воздушно-капельным путём, и по идее в воде этот вирус выжить не должен, но вдруг он мутировал? Такой вариант вполне возможен, и, если она до сих пор здорова, то на будущее никаких гарантий нет.

Поток бежал быстро, бурно, словно стараясь ее разуверить, и она наконец решилась рискнуть несмотря на свои опасения, потому что выхода не было – разводить костер, чтобы вскипятить воду, и дожидаться, пока она остынет, было опасно.

Выждав еще немного для пущей уверенности, что за ней никто не наблюдает тайком с другого берега, Краш вдруг почувствовала, что клюет носом, и резко тряхнула головой, как это бывает, когда чувствуешь, что проваливаешься в сон, но знаешь, что засыпать нельзя. Потом вытаращила глаза, словно надеясь отогнать сонливость. Значит, вымоталась гораздо сильнее, чем казалось, и от этого стало страшно, ведь усталость означает уязвимость, а кроме себя самой, на защитников рассчитывать не приходится.

«*Что-то я чересчур перестраховываюсь*», – подумала она. На много миль вокруг ни единой живой души. По дороге от стоянки, где она убила того «койота» (*ладно, человека, как бы ни был похож на койота со светящимися в темноте глазами и острыми зубами, он всё-таки человек*), слышны были только шорохи бросавшейся врассыпную мелкой живности – бурундуков, белок и полевых мышей.

В этом месте у ручья других людей, кроме нее, не было. Да, осторожность не мешает, но перегибать палку не стоит, иначе можно так и застрять на одном месте. С такой ногой не сильно разбежишься, Краш понимала, что дальше определенного предела продвинуться не сможет, как бы ни хотелось – в какой-то момент тело просто откажется слушаться: *черта с два, ни шагу больше*, и все. А осторожничая вообще с места не сдвинешься. Хватит труситься, пора спускаться к воде.

Берег оказался крутоват, и с одной ногой карабкаться было неловко, что вверх, что вниз, хотя подниматься всё-таки чуть легче. Спускаясь, она боялась потерять равновесие и шлепнуться, как никогда ощущая разницу между протезом и здоровой ногой, а чем больше она сосредоточивалась, тем более неловкой становилась.

В паре шагов от воды она поскользнулась и здоровой ногой влезла в ручей. Выругалась. Водонепроницаемым ботинкам ничто не грозило, а вот брюкам... Вода добралась до лодыжки и промочила носок.

Мокрые носки она ненавидела чуть ли не больше всего на свете, хуже них была только лакрица (ее передёргивало при одной мысли об анисо-фенхелевом или чёрт его знает каком запахе) и любители зависнуть посреди прохода в магазине, уткнувшись в телефон и загородив проход нормальным покупателям. Впрочем, такие нынче, считай, перевелись, да и на лакрицу наткнуться не так-то просто.

Вблизи ручей оказался глубже, чем представлялось с ее наблюдательного пункта. На ее взгляд, вполне достаточно, чтобы скрыть от случайного путника эту гадость, которую при-

шло тащить в руке. Скорей бы от нее избавиться. Краш с облегчением швырнула пистолет в самую середину ручья, и тот с тихим всплеском канул на дно. Разглядеть оружие с берега не удавалось, и она понадеялась, что на глубине нескольких футов его никто не найдет. А если найдут, то к тому времени пистолет заржавеет и выйдет из строя.

Она присела на илистом берегу и протянула руку с бутылкой, чтобы наполнить ее подальше от поднятой мути, там, где течение побыстрее, и тут же залпом осушила почти всё, что успела набрать. Она и не представляла, как хочется пить, пока язык не коснулся прохладной живительной влаги. Обожженный накануне кончик языка до сих пор не отошел.

Краш еще дважды наполняла бутылку и жадно хлебала воду, пока не забулькало в животе, потом осторожно поднялась на ноги, чтобы снова не поскользнуться и не пришлось затевать канитель с переодеванием – в рюкзаке у нее была всего одна пара запасных брюк.

Краш нужно было перейти через ручей, потому что он преграждал путь на север, а еще оставался шанс, что тот тип, заявившийся на огонек, соврал не на все сто, и где-то там рыскают военные, может, даже с собаками-ищейками, которые выслеживают всех подряд – и больных, и здоровых.

Смышленная, хорошо натасканная собака запросто учует кровь на одежде – как ни аккуратничай, на брюки всё равно что-нибудь да попадет – и с собаками Краш могут догнать гораздо быстрее, но стоит перейти ручей, вода собьет их со следа.

По крайней мере в кино так было всегда (львиная доля навыков выживания Краш черпалась из книг и фильмов). Беглецы всегда переплывали реку, и преследующим их гончим оставалось лишь с лаем носиться кругами по берегу, а их хозяевам – качать головой и сокрушаться о том, что собаки потеряли след.

Еще не хватало, чтобы ее травили собаками и уж тем более чтобы изловили сачком, как бабочку, и пришили к доске булавкой. Ей надо добраться до бабушкиного домика, потому что другой родни у нее не осталось.

Когда они созванивались в последний раз (еще до того, как отключилась и проводная, и мобильная связь), старушка приглашала всю семью к себе – вместе в глухом лесу гораздо безопасней.

С тех пор прошло шесть недель, и много воды утекло. Но Краш представляла, как бабушка каждый день поглядывает в окошко из-за занавесок и ждет, когда же родные выйдут из чащи на полянку перед домиком.

При мысли о бабушке на глаза всякий раз наворачивались слезы, потому что при всей самостоятельности Краш выживать в одиночку было очень нелегко, и больше всего на свете хотелось прижаться к родному плечу. Бабуля для этого подходила как нельзя лучше: она была мягкой, круглой и от нее всегда пахло какой-нибудь вкуснятиной, которую она почти постоянно стряпала.

Идти у самой воды было неудобно, ботинки вязли в грязи, и каждый шаг давался с бóльшим трудом, чем обычно, но взбираться на крутой берег Краш не хотела, хоть там и легче идти. Деревья там почти не попадаются, и место чересчур открытое, а здесь ее хотя бы не видно издалека. Крутой берег скрывает от посторонних глаз, если только кто-нибудь не подойдет к воде вплотную.

Конечно, она понимала, что это палка о двух концах: подобраться к ней незаметно тоже проще, да и удирать при необходимости гораздо удобнее поверху.

«Кстати, тут кое-кто недавно поминал перестраховщиков. Хватит уже трястись над каждой мелочью, как будто это вопрос жизни и смерти».

(Впрочем, может, так оно и есть).

Так в этом-то и беда. Каждый шаг – это выбор между жизнью и смертью, и длится это уже целую вечность, так что девушка почти забыла о тех глупостях, которыми приходилось озадачиваться раньше – посмотреть ужастик или фильм про самураев, выбрать на десерт мороженое

или шоколадный батончик, почитать книжку или пропылесосить полы. Эх, сейчас бы она с радостью согласилась даже на уборку, только бы вернуть те беззаботные времена.

Когда она наконец взобралась повыше на берег, Краш словно чувствовала на себе чей-то взгляд – рука так и тянулась почесать шею. Девушка несколько раз оглянулась, но никого не заметила – это разыгралось чертовое воображение, и унять его невозможно.

Иногда чем больше стараешься выбросить из головы какую-то дурь, тем больше начинаешь о ней думать, такие случаи бабуля называла мандражом. Если мандражируешь, расслабиться практически невозможно. Если втемяшилось, что у тебя на шее паук, рука так и будет лезть под воротник, хоть ты и уверен на сто процентов, что никакие насекомые по тебе не ползают. Или померещится, что за тобой следят – так и будешь всю дорогу оглядываться, хоть ничего и не заметишь.

Примерно через полмили ей попался небольшой подвесной мостик: просто канаты с редкими досками, из тех, что болтаются на ходу словно качели. Краш с сомнением его оглядела – она их недолюбливала еще до того, как лишилась половины левой ноги. Такие висячие мостики часто встречались на детских площадках, словно специально на потеху хулиганам, которые загоняли туда малышня и начинали его трясти.

Тем не менее девушке впервые подвернулась возможность пересечь ручей, не замочив ног, и надо признать, что на мосту при всей его шаткости хотя бы есть возможность ухватиться за канаты. А если поскользнуться на камнях при переходе вброд, опереться будет не на что.

Краш шагнула на мостик здоровой ногой и сразу же ощутила, как он зашатался под ее весом.

– Да провались ты пропадом, – сказала она и с колотящимся сердцем отступила назад. – М-да, а как же собаки? Нет, милочка, топай по воде, если хочешь от них избавиться.

Краш старалась не разговаривать сама с собой, чтобы не так остро чувствовать одиночество, но порой слова невольно срывались с языка, как бы напоминая, что разговаривать она еще не разучилась.

Она поправила лямки рюкзака, чтобы они не так оттягивали плечи, и решила идти дальше вдоль ручья, пока не попадется брод поудобней.

Так и брела в полуобморочном от усталости состоянии: всё тело ломило, но особенно донимала культия, которой в первую очередь нужна была хоть краткая передышка, и даже глаза слипались сами собой.

Еще немного, и она просто рухнет на землю без сознания, это неизбежно – слишком долго себя подгоняла. А еще нужно перебраться через проклятый ручей и найти укромное место, чтобы хоть немного отдохнуть и забыться: от всех этих раздумий тревога только растет, и Краш всё сильнее заикливается, без конца перебирая варианты, как избежать всевозможных неприятностей.

– Хоть бы где-нибудь прилечь, хоть ненадолго, только и всего, – пробормотала она, присев на берегу, и стянула ботинок и носок с правой ноги, а потом закатала обе штанины, обнажив блестящий металл протеза вместо левой ноги.

Невольно поёжившись от неожиданно холодной, просто обжигающе-ледяной воды, девушка заметила, что в этом месте глубже, чем казалось с берега. Хоть и выбирала, где помельче, рассчитывая, что здесь будет по щиколотку, но вода дошла почти до колена. Краш брела, едва волоча ноги, опасаясь скользких шатких камней, вязкого засасывающего ила – да мало ли что еще могло случиться.

Добравшись наконец до противоположного берега, она так замерзла, что дрожала всем телом, зато сонливость как рукой сняло. Достав полотенце из рюкзака, Краш торопливо вытерла ноги, отметив для себя, что солнце почти в зените.

После вчерашней встречи с тем типом ей до сих пор не попало ни одного человека или даже зверя, но, к счастью, на этом берегу лес был погуще, и она поспешила убраться подальше от ручья и скрыться в зарослях.

Устраивать привал вблизи от воды не хотелось, и девушка брела еще примерно полчаса, шараясь от каждой тени и прислушиваясь к любому шороху, не затаился ли кто за деревьями.

И вдруг прямо перед глазами, словно плод воспаленного от усталости воображения, оказалась какая-то хижина. Уединенная хижина на полянке посреди леса.

На мгновение даже померещилось, что Краш уже добралась до дома бабушки, что ночью прошла больше, чем казалось. Потом встряхнула головой и прикинула, что размером этот домик будет примерно с четверть бабушкиного – двухэтажного, с четырьмя комнатами на первом этаже и просторной спальней на втором, с любовью выстроенного заботливыми дедушкиными руками. Деда все звали «батей».

Этот домик больше смахивал на охотничью хижину, однокомнатная постройка из грубо отесанных бревен с короткой металлической трубой. Единственное окошко закрыто бежевыми занавесками, но никаких признаков жизни заметно не было.

Но это ровным счетом ничего не значило. Может, там кто-нибудь спит с ружьем у изголовья, и только сунься – враз бабку разнесет. И потом, во многих фильмах герои попадали в ловушку в подобных хижинах в какой-то глухомани, где, казалось бы, поблизости ни души, а на самом деле рядом обязательно бродит маньяк, просто спрятался в чаще в ожидании очередной жертвы.

(Краш, что за дурацкие мысли. Даже если тут когда-то жил маньяк, его наверняка свалил Кашель, как всех остальных).

Последнее предложение прозвучало голосом ее прагматичной матушки.

Но ведь там и правда может оказаться кто-нибудь. Вполне.

Ноги сами понесли девушку к хижине вопреки здравому смыслу, что предостерегал: «Нет-нет-нет, там слишком опасно». Они словно взбунтовались, одержав верх, потому что душа с первого взгляда была с ними заодно – Краш так тянуло поскорее оказаться в этой маленькой хижине, пусть такой неказистой и наверняка грязной, наконец выспаться в четырех стенах под крышей, а не звездным небом над тонкой тканью крохотной палатки.

Девушке так не хватало надежности прочных стен со всех сторон, уюта и тепла, уверенности в том, что за закрытой дверью никто не подкрадется незамеченным. Раньше, пока не началось Всё Это, она совсем не умела ценить ощущение безопасности родного дома, принимая его как должное.

Впрочем, бросаться к двери, забыв про осторожность, как к себе домой, тоже не стоит – *а вдруг там и правда тип с ружьем, а то и маньяк с мачете?* Краш осторожно, как можно тише, подкралась к единственному окошку, но получилось так себе – полянку устилала сухие опавшие листья, в тишине хрустящие под ногами, словно петарды.

Она заглянула в щель между занавесками, но не разглядела ничего, кроме ручки старомодного металлического кофейника на столе под окном. Всё остальное тонуло во мраке, так что оставалось лишь как следует приглядеться к этой ручке.

На ней толстым слоем лежала пыль, значит, ее уже давно никто не касался, то есть внутри скорее всего пусто. Наверное.

Она обошла хижину кругом в поисках следов (*тоже мне, следопытка нашлась, и что ты там надеешься разглядеть?*). Да уж какая есть, и различить на земле свежие следы как-нибудь в состоянии. Впрочем, таковых ни на поляне, ни у двери хижины не оказалось.

Больше проверять было нечего, она подошла к двери и дернула за ручку.

Заперто.

И тут Краш разобрал дикий хохот – она так намаялась, проголодалась, испереживалась из-за вооруженного маньяка, что даже не подумала о том, что хозяин, покидая хижину после закрытия сезона охоты, мог просто запереть дверь.

А потом слезы сами брызнули из глаз, и, услышав свой безумный смех сквозь слезы, девушка поняла, что впадает в истерику, и одернула себя:

– Хватит.

Включи мозги, Краш.

Слова, конечно, не ее, а отца – обычно он так подбадривал, когда она застывала в растерянности, не зная, что делать. Довольно долго это раздражало, пока она не поняла, что он советовал перевести дух, отвлечься, обдумать все решения в отдельности. Краткость – редкое умение выразить емкую мысль всего в трех словах.

Окошко слишком узкое, в него не пролезть, даже если высадить стекло, чего ей совсем не хотелось – если удастся проникнуть внутрь, лишняя дыра ни к чему.

Краш тщательно поискала возле двери запасные ключи, которые иногда прячут на всякий случай, потом приподнялась на цыпочки, точнее на одну цыпочку, из-за чего чуть не навернулась, и пошарила за притолокой, но в результате только заработала такую здоровенную занозу, что невольно вскрикнула.

В Былые Времена – так она про себя называла прежнюю жизнь до того, как всё пошло наперекосяк, тоже с большой буквы, как «Кризис» – какая-то заноза показалась бы сущей мелочью, выдернуть ее по-быстрому, может, заклеить ранку пластырем, да и дело с концом. Только нынче любая зараза гораздо страшней, чем раньше – мало того, что через каждую ранку может проникнуть смертоносный вирус-мутант, уже выкосивший столько людей, так еще без антибиотиков любой порез или царапина может оказаться смертельным.

К счастью, антибиотиками Краш запастись всё же удалось – подфартило в самом начале путешествия, но лучше бы их приберечь на крайний случай. Эти таблетки были на вес золота.

Она уселась прямо у порога на ковре из опавших листьев и выудила из рюкзака аптечку. Потом тщательно протерла руки и кончик пластикового пинцета антисептической салфеткой. Извлечь занозу не составило труда, и обработав и заклеив кровоточащую ранку, Краш убрала аптечку обратно в рюкзак.

Потом тяжело вздохнула при мысли о том, что пора вставать. Как же она устала. Пока не пришла эта беда, девушка и не представляла, что можно настолько вымотаться, но теперь чудовищная усталость преследовала ее повсюду, непосильной ношей давила на плечи и пригибала голову к земле.

И вдруг в одном бревне примерно в футах от земли она заметила небольшое отверстие от выпавшего сучка. Если бы не присела на эти сухие листья, ни за что бы его не разглядела. Краш достала фонарик с солнечной батареей и ручным генератором, не требующим зарядки – одна из ее гениальных идей – и заглянула в ямку.

На глубине четырех-пяти дюймов, так далеко, что случайно и не заметишь, блеснуло что-то бронзовое.

Краш схватила ключ и вскочила на ноги. При звуке отпирающегося замка ее охватил восторг.

Получилось. Можно заночевать в хижине.

Пыли внутри накопилось столько, что она поднялась столбом из-под ног, и тут же запершило в горле. Краш поборол желание захлопнуть дверь (*она в безопасности, по крайней мере, на эту ночь*), нашла подвешенный на двери веник, вымела пыль и раздвинула занавески, чтобы впустить в комнату хоть немного света.

В углу комнаты стояли две сложенные раскладушки, небольшой столик с двумя стульями и кофейник, который она видела через окно.

У металлических стульев с желтыми пластиковыми сиденьями вид был такой, словно их подобрали на свалке, но они оказались достаточно прочными и, на взгляд Краш, вполне годились, чтобы посидеть и перекусить, прежде чем отправляться на целый день в лес.

Рядом с окном висели три деревянные полки, на нижней стояли эмалированные кружки и миски, синие в белый горошек, из стеклянной банки без крышки торчали ложки, вилки и ножи, а рядом – чугунная сковородка и большая кастрюля. Нашлась даже походная плитка и несколько баллонов пропана, значит, не придется выходить наружу и разводить костер.

А на верхних полках обнаружилось настоящее сокровище – множество разнообразных банок с консервированными супами, готовые блюда в вакуумной упаковке, пачки макарон, две банки томатного соуса и даже запечатанный пакет сухариков, хотя они уже, наверное, зачерствели.

Но самое замечательное – на полу под полками стояло несколько закрытых бутылей с питьевой водой.

При любом намеке на чрезвычайную ситуацию из магазинов первым делом сметают питьевую воду в бутылках. Как ни странно, американцы постоянно живут в страхе остаться без воды, которой в этой стране всегда хватало в избытке, во всяком случае, раньше. Как только выяснилось, что болезнь распространяется с невиданной быстротой, и скоро придется устраивать убежища, эвакуироваться и так далее, упаковки бутилированной воды разлетелись с прилавков, словно отрастив крылья.

Само собой, не обошлось без новостных репортажей о беспорядках в магазинах, о безумцах, готовых перегрызть друг другу глотки ради последней упаковки воды. При виде этих диких сцен у Краш всегда возникал вопрос, почему репортеры даже не пытаются вмешаться или помочь, а просто снимают своих ближних в самом неприглядном виде.

Завтра перед уходом сушеные продукты можно будет сложить в рюкзак, от них он не особо потяжелеет, а здесь и сейчас поесть макарон с томатным соусом. Прямо какая-то невероятная роскошь – спагетти и томатный соус из стеклянной банки, да еще сидя за настоящим столом, а не на корточках над миской.

Но сначала девушка поставила раскладушку. Запах от нее шел немного затхлый, но это такая мелочь по сравнению с возможностью выспаться не на голой земле, которая словно просачивалась сквозь днище палатки, утеплитель спального мешка и насыщала всё вокруг промозглой сыростью, как ни старайся от нее уберечься.

Краш закрыла и заперла дверь – кроме замка в ручке чуть выше уровня глаз была задвижка, щелчок которой показался просто божественной музыкой.

Как приятно оказаться в уютной тесноте четырех стен и не слышать ни писка и шуршания мелкой лесной живности, ни щебета птиц, ни шелеста листвы на деревьях. Она в тишине и полной безопасности.

А вдруг кто-нибудь заявится, пока ты спишь?

Ну нет, даже не начинай, хватит на этом заикливаться, а то окончательно свихнешься. Собралась снять протез – вот и снимай. Она нажала кнопку на лодыжке и, облегченно вздохнув, разъединила искусственный сустав.

Краш сняла носок с культи, протерла ее, и внимательно осмотрела, не ли где потертости или покраснения. Всю жизнь ее преследовал этот страх – а вдруг по недосмотру с культей случится Что-нибудь Такое, из-за чего придется ампутировать снова?

Эта постоянная угроза нависла над ней с раннего детства, после ампутации ноги, и с тех пор ни на секунду не отпускала смутная тревога, что обрубок может воспалиться, инфекция распространится до самой кости, начнется гангрена или омертвение, и снова «здравствуй, пила, и прощай, кусочек ноги», а потом еще кусочек, и так до тех пор, пока от ноги ничего не останется.

Жить, конечно, можно и после этого, в конце концов, она с восьми лет, то есть большую часть жизни, ходит с протезом, и практически не ощущает какой-то ущербности, почти ни в чём не уступает здоровым, хотя многие сочувствующие считают иначе.

«Но *окончательно* смириться с такой потерей всё равно не получится, – размышляла она в полусне, свернувшись в спальном мешке. – До конца своих дней так и будешь чувствовать, что чего-то не хватает». Как сейчас она идет в одиночестве по лесу и то и дело по привычке оборачивается что-нибудь сказать брату, папе или маме – а их рядом нет, хотя кажется, что должны быть».

Глава вторая Все «вчера»²

Раньше.

Было решено всей семьей отправляться к бабушке, но к намеченному сроку собралась в дорогу одна Краш, а остальные еще канителились, словно не понимали, что дело не терпит отлагательств.

Адам целое утро метался по дому, пытаясь запихнуть в рюкзак всё самое дорогое, что не мог бросить, а родители его даже особо не поторапливали.

Братец вообще оказался дома только потому, что из-за эпидемии в университете отменили начало семестра и на всякий случай велели всем студентам переждать вспышку дома, пока не исчезнет опасность, полагая (по мнению Краш, совершенно правильно), что общага – всё равно что лучшая питательная среда для распространения заразы: толпы не очень-то чистоплотных студентов в тесном соседстве, словно кролики в садке.

Но опасность так и не миновала, а только увеличилась, несмотря на карантин и прочие меры предосторожности, а также отчаянные попытки врачей разработать и запустить в производство вакцину, способную остановить этот кошмар, объявший всю страну.

Родители тоже вздохнули над тем, что придется бросить – фотографии, книги, мамино свадебное платье, блестящие детские башмачки и многое другое. Краш убеждала их, что эти мелочи не стоят выеденного яйца, надо думать о спасении собственных жизней, но ее никто не слушал. Кто же станет слушать младшего ребенка в семье, даже если ему уже исполнилось двадцать лет.

Мама Краш уже тогда была больна. Кашель начался накануне вечером, казалось, совершенно безобидный, словно что-то попало в горло. Она выпила пару чашек чая с мёдом, поминутно встревоженно переглядываясь с отцом. Оба поняли, в чём дело, просто боялись произносить вслух.

Родители независимо от своего возраста и возраста детей всегда стараются их оберегать, делать вид, что всё в порядке. Но Краш была далеко не дурочка, и понимала, что значит тот кашель, знала, что вирус добрался и до них и теперь остается только ждать, кто заболеет. Симптомы проявлялись не у всех, похоже, у некоторых оказался врожденный иммунитет.

Назвать их везунчиками можно лишь с большой натяжкой, ведь обычно они остаются единственными выжившими из всей семьи, а горевать по усопшим близким радости мало.

Самое странное, по мнению Краш, почему иммунитет *не* передается по наследству. Например, если выжила мать, это совсем не значит, что дети тоже выживут, хотя можно ожидать, что ее генетическая особенность должна передаться потомкам. Или почему из троих детей, по идее унаследовавших от родителей сходные гены, выживает только один, а не все?

Казалось, что вирус действует избирательно, словно разумное существо, как будто *понимает*, что для выживания и дальнейшего развития не стоит сразу уничтожать всех носителей подряд на начальном этапе эпидемии.

Потом она отмахивалась от этих бредовых мыслей, явно навеянных множеством перечитанных фантастических романов про конец света и пересмотренных ужасиков, что показывали по ночам.

² «Макбет», акт 5, сцена 5

Сколько ночей она провела, свернувшись калачиком под одеялом, не в силах оторваться от книжек далеко за полночь, когда уже давно пора спать. Краш была просто помешана на эпидемиях, войнах, глобальных катастрофах, которые во всех красках описывались в книгах и фильмах, и понимала, что один из сценариев конца света рано или поздно осуществится.

Ее мать, в жизни не прочитавшая ни страницы, напечатанной после 1900 года, и совершенно не признающая фильмы ужасов, заявляла, что от подобных «творений» просто мозги киснут. Надо признать, что по крайней мере безумная теория о разумных вирусах стала плодом воображения, чересчур разыгравшегося из-за этих «творений».

Мама была профессором английской литературы, вела курс лекций о Шекспире в небольшом, то есть «престижном и несуразно дорогом» колледже в дальнем конце города, где учились в основном белые дети из состоятельных семей, и рассказывала, что порой ловила на себе косые взгляды – многие не ожидали встретить темнокожего преподавателя творчества Шекспира.

– Один парень как-то раз спросил прямо при всех, мол, а правда ли, что Шекспир мне нравится потому, что ритм его стихов смахивает на рэп? – сказала мама с таким вздохом, что сразу стало ясно – усталость ее не физическая, а духовная.

– А ты что?

Краш совсем не удивилась такой выходке, хотя, пожалуй, следовало бы. Впрочем, ее вообще трудно было удивить, потому что она всегда была готова к самому худшему. Ее больше интересовал ответ матери.

– А я спросила, правда ли, что все белые без ума от кантри и автогонок? Зря, конечно – он так и заёрзал от стыда. Ну, не сдержалась, – ответила мама. – Стою, понимаешь, перед классом со своими четырьмя учеными степенями, а тут простой студент всего-то решил проверить, соответствую ли я каким-то надуманным стереотипам. После лекции-то он извинился, так что разошлись мы миром.

Осенний семестр в мамином колледже отменили по той же причине, что и у Адама, так что того парнишку она больше не видела. Интересно, понял ли он в тот день хоть что-нибудь, например, что не стоит судить о незнакомых людях только по внешности, или злить тех, от кого зависят твои оценки.

* * *

Весь конец августа и начало сентября они с ужасом наблюдали, как этот непостижимый кошмар внезапно объявился по всей стране практически в одно и то же время, как эта зараза выкашивала подчистую большие и малые города. Выжившие, которых можно было пересчитать по пальцам, потерянно бродили по опустевшим улицам, но вскоре их отлавливали и отправляли в карантинные лагеря.

Краш и ее семья были в курсе того, что происходило вокруг, они смотрели новости по телевизору, пока трансляция по всем каналам не сменилась полосатой заставкой с непрерывным гудком.

– Когда-то после окончания передач на некоторых каналах включали такую заставку, на других просто отключали передатчик после проигрывания гимна, – объяснил папа, когда они впервые увидели полосы. – В те времена телевидение не работало круглосуточно.

– Это еще когда динозавры водились? – криво усмехнулась Краш.

– Ну не так давно, когда люди жили в пещерах, – сказал отец, дергая ее за локон волос. – И начала передач приходилось ждать аж до утра.

– Вряд ли с утра что-нибудь покажут, – ответила Краш, направив пульт на телевизор и переключая каналы – все передавали одну и ту же заставку.

Отец вздохнул, и она выключила телевизор. Адам запрокинул голову и шумно выдохнул в потолок.

– Электричество тоже наверняка скоро вырубят, – мрачно заявил он.

– У нас есть генератор, – напомнил отец.

– А что толку, если нет ни телевидения, ни радио, ни интернета?

– Ну не знаю, – размышляла Краш. – Может, холодильник включить. Ты же не захочешь есть протухшее мясо с бактериями.

Адам вышел из комнаты, удостоив сестру напоследок презрительного взгляда – обычное дело, когда не находил, что ответить.

Ему недавно исполнился двадцать один, он был старше нее на год и поэтому уверен, что знает всё на свете, но на самом деле еще никогда не был таким недалеким. Может, из-за гормонов, но Краш надеялась, что Адам это перерастет.

Он с самого начала утверждал, что беспокоиться не о чем, что правительство обо всех позаботится, что у страха глаза велики. Будто сознательно не желал вникать, как передаются болезни, воображая, что карантин волшебным образом остановит эпидемию.

Но дело в том, что никакой карантин не даст гарантии полной изоляции, даже если выявить и отследить каждого контактировавшего с «тифозной Мэри»³. А в данном случае даже не было никакой «тифозной Мэри», очаги инфекции, словно жуткие побеги проклюнулись сразу по всей стране и начали разрастаться с такой скоростью, что проследить направление было практически невозможно.

А что касается правительства, Краш не верила, что оно способно что-нибудь сделать не потому, что там работали одни мерзавцы, или из-за какого-то всемирного заговора, или чего-то в этом роде.

Ее уверенность основывалась на выводах из прочитанного, а так же понимании того, что ведомства, контролирующие распространение эпидемий, обычно содержались на голодном пайке и были не готовы решать проблему таких масштабов. И хотя жернова государственной машины мелют очень тщательно, раскручиваются они чертовски медленно, и пока финансирование одобряют, будет уже поздно. Так и случилось.

Поэтому Краш, ни на кого не надеясь, готовилась сама. У нее всё было готово за много часов, дней, даже недель до того, как семья только задумалась о необходимости покинуть родной дом. С тех пор как люди начали падать замертво на улицах, как появились первые сообщения о введении карантина в некоторых городах, и важные чиновники из Центра контроля заболеваний стали каждый вечер выступать в новостях с тревожными заявлениями.

Эвакуация, по мнению Краш, была неизбежна, по решению ли властей или просто вынужденная. Она не сомневалась, что рано или поздно уходить придется.

Их дом стоял на отшибе, где-то в пяти милях за городом, вдали от дорог в лесной тиши, куда не доносилось ни звука от шоссе. Соседей поблизости не было, что, конечно, неудобно, если вдруг понадобится одолжить чашку сахара, но как защита от заразы имеет неоспоримое преимущество.

Несмотря на то, что, возможно, уединение и спасло всю семью от первой волны эпидемии, прокатившейся по стране, словно торнадо, в любую минуту перед домом мог появиться армейский грузовик, полный выживших, и забрать Краш и родных в лагерь, как в тех фильмах о конце света. Там все заканчивалось лагерями, и беженцы в лохмотьях стояли под дулами автоматов, окруженные солдатами в противогазах.

Для Краш любимые книги и фильмы служили справочником по выживанию. Ей нравились походы, хотя мать волновалась по пустякам, когда они отправлялись на вылазку. Мама

³ Маллон Мэри (1870–1938) – повариха-ирландка, которая, работая во многих американских семьях, заразил брюшным тифом более пятидесяти человек. Была бессимптомным носителем, сама обладала иммунитетом к болезни.

считала, что дочь не может трезво оценить свое состояние и вовремя устроить передышку, и когда родители решили, что дети уже достаточно подросли и могут ходить в походы самостоятельно, это был просто праздник. Братец, по крайней мере, не приставал миллион раз на день с расспросами, не болит ли у нее нога и не хочется ли посидеть и отдохнуть.

Как только Краш поняла, что Конец Света не за горами, то начала собирать рюкзак. Она отбирала и отбрасывала всё лишнее до тех пор, пока в рюкзаке не осталось только самое необходимое: одежда из многослойной «дышащей» ткани, которую можно компактно свернуть, продукты с долгим сроком хранения, бутылка для воды с фильтром, несколько блестящих накидок, которыми волонтеры укрывают марафонцев на финише (они легкие, как пушинки, сворачиваются в прямоугольник размером с колоду карт и при необходимости хорошо сохраняют тепло), мыло (она же не собирается становиться вонючкой, а раз больше четырех смен белья взять не получится, его придется иногда стирать), детскую присыпку и крем (потому что с надетым протезом культия потеет, и при длительной ходьбе можно натереть мозоль, а присыпка с кремом тут здорово выручают, так что без них ей это светопреставление не пережить, к гадалке не ходи), антибактериальный гель и аптечку, а также другое жизненно важное снаряжение.

«Просто удивительно, сколько всякой ерунды человеку требуется для выживания», – думала Краш, набивая рюкзак. И это только по минимуму – она не брала фотоальбомы или книги (*ладно, всего пару книжек* – апокалипсис переживать гораздо приятней в компании с Робин Маккинли) или другой хлам, который люди берут с собой непонятно зачем.

Краш нравились фильмы о Годзилле, и в старых версиях обязательно были эпизоды, в которых Годзилла разносит вдребезги какой-нибудь район, а люди удирают, погрузив в тележку буквально все свои пожитки. Там и мебель, и посуда, и всякий прочий хлам, и конечно, поверх этой кучи дитя в корзинке, словно о нём спохватились в последний момент: «Так, мамин чайный сервиз погрузили, может, ребенка тоже прихватить? Место еще есть».

Если бы Краш убегала от гигантского страшилища с радиоактивным дыханием, она бы не стала впрягаться в повозку с мебелью, а удирали во все лопатки в какое-нибудь укрытие как можно дальше от разбушевавшейся твари, как полагается здравомыслящим людям, за которыми гонится чудовище.

И она бы не стала убегать в ту сторону, куда идет Годзилла – еще один момент в этих фильмах, от которого она просто выходила из себя. Неужели нельзя свернуть поперёк пути чудовища? Ну хоть кто-нибудь метнулся бы в сторону и затаился, пока эта тварь не пройдет мимо.

Краш примеряла рюкзак с поклажей, пока не удостоверилась, что сможет выдержать его вес в длительном переходе. Когда у тебя протез, малейшее изменение веса может повлиять на то, как он сидит. Она понимала, что культия может опухнуть, особенно поначалу, и хотела привыкнуть к ходьбе с грузом за плечами, ведь поход намечается не на пару дней в выходные, а надолго, может быть, вернуться домой уже не доведется, хоть все остальные с ней не согласны.

Адам удивлялся, с чего это она начала постоянно пропадать в окрестных лесах, но она решила подготовиться насколько это возможно, и даже сверх того – к моменту отправления нужно быть в идеальной форме.

При любой чрезвычайной ситуации по шоссе будет не протолкнуться из-за пробок, так что тем, кто собирался уехать, всё равно придется бросать машину и топтать пешком. И уж от нее никто не дожидается нытья про мозоли на пятках и ноющие ноги, к тому же у нее всего одна пятка и полторы ноги.

И вообще, Краш не собирается становиться обузой, которую остальным придется дожидаться и из-за этого попасть в беду.

Она решила взять с собой один из кухонных ножей и завернуть его в газету, но отец заметил, как она засовывает его в рюкзак и заставил положить на место.

– Когда-нибудь он нам для этого точно пригодится, – согласился он, услышав объяснение, зачем ей нож, и даже не закатил глаза, когда она заявила, что собирается им защищаться от воров и убийц после того, как придется покинуть дом. За это отца она просто обожала – он никогда ее не высмеивал, даже если она творила явные глупости.

– А пока мы дома, им лучше нарезать лук.

И всё-таки нужно быть в полной готовности к выходу в любой момент, а значит, при себе должно быть что-то острое. Она несколько часов рылась в *барахле*, накопившемся в сарае – *плодится оно, что ли, откуда столько всего взялось?* – и вдруг нашла небольшой топорик в чехле с застежкой. Это даже лучше ножа, ведь топором можно не только отбиваться от врагов, но и дров для костра нарубить, а обух сгодится вместо молотка.

Собрав наконец всё необходимое так, как было задумано, она надела рюкзак и с тех пор практически не снимала, разве что, отправляясь в ванную. Так и ходила везде с рюкзаком за плечами. Даже за обеденным столом пристраивала его рядом со стулом в ногах (не обращая внимания на то, как закатывает глаза Адам, или переглядываются родители – Краш прекрасно понимала, что они о ней думают, ну и пусть их). Она готова к любой неожиданности и не допустит того, чтобы ее застали врасплох, а если Адам надеется на припасы из ее рюкзака только потому, что сам не соизволил подготовиться заранее, фиг ему, ни черта не получит.

Как же ее бесило, просто слов нет, когда в какой-нибудь книге или в фильме персонаж забывает что-нибудь самое необходимое! Например, положительный герой всегда ходит с пистолетом, но в опасной ситуации оставляет оружие на столе в самый неподходящий момент и поворачивается к нему спиной.

В такие моменты она орала на весь дом, что злодей сейчас ПОДКРАДЕТСЯ СЗАДИ И СХВАТИТ ПИСТОЛЕТ, и конечно же, в следующем кадре из оружия кто-то целился герою в затылок, и она от злости лупила по подлокотникам, а на нее все шикали.

Вот почему она ни шагу не ступала без рюкзака. Просто была уверена, что стоит только подняться к себе в комнату, оставив его внизу, непременно Что-нибудь Случится (взрыв, пожар, нашествие зомби), и придется прыгать из окна, бежать в лес, бросив рюкзак в гостиную, и помирать там от голода.

Когда в городе она заходила в аптеку или продуктовый магазин с рюкзаком и притороченным к нему спальным мешком, на нее удивленно косились, впрочем, она уже давно привыкла к любопытным взглядам из-за необычного цвета кожи и протеза, так что, считай, ничего и не изменилось.

На вопросы знакомых и друзей она просто отвечала, что собирается в путешествие – приходит же некоторым в голову пройти всю Аппалачскую тропу до конца – а народ восхищался, мол, как интересно, и желал счастливого пути.

В тот момент Кашель еще не подобрался к их городку, и в те первые недели эпидемии, когда паникой охватило все городские территории, казалось, что вирус обходит их стороной. Жизнь шла своим чередом, словно ничего из ряда вон в мире не случилось, хотя в одном большом городе за сотню миль к югу эпидемия уже была в самом разгаре. Сборы в поход во время каникул никому не казались чем-то необычным.

«Странно, – думала Краш. – Словно они не знают, что творится кругом. Неужели они думают, что в ближайшее время хоть кому-то светит отпуск?»

Но она каждый раз с улыбкой благодарила и продолжала заниматься своими делами в полной уверенности, что, если придется спасаться бегством в любой момент, она не пропадет в лесной глуши.

Краш вроде бы предусмотрела всё до мелочей, но упустила один самый важный момент, упомянутый во всех любимых книгах и фильмах-катастрофах: главная загвоздка не в самом Событии, будь то эпидемия, падение астероида, ядерная война, да что угодно, а то, как вели себя люди. Чем хуже шли дела, тем меньше человеческого оставалось в людях.

Глава третья

Жарко, жарко, пламя ярко!⁴

Конечно, звали ее по-настоящему вовсе не Краш. Мама, обожавшая Шекспира, окрестила ее Корделией, но она отвечала только, когда ее звали Краш. Однажды так ее назвал отец, и с тех пор она совсем перестала отзываться на имя Делия.

Поработав нянькой, она с первой получки купила ярко-красную толстовку на молнии с капюшоном, и надо сказать, те деньги ей достались не так-то просто – у Делуччи было четверо мальчишек от двух до восьми лет, так что работенка была суший кошмар.

Увидев дочь в таком наряде, отец тут же заявил, что она вылитая Красная Шапочка, а она как раз уже больше года искала повод отделаться от ненавистного имени – попробуйте-ка побыть Корделией среди сплошных Эшли, Джессик или Мэдисон – и вечно сокрушалась, мол, ну неужели нельзя было у Шекспира выбрать имя попримечней, например, Джульетта? В общем, с тех пор эта красная толстовка к ней словно приросла, как и имя. Официально ее звали Корделия, но, по сути, она была Красной Шапочкой.

Мама всегда морщилась, когда кто-нибудь звал дочь Краш (точно так же морщилась при виде того, что та читает и смотрит), и еще долго пыталась заставить ее признать свое имя, но нет на свете никого упрямей девчонки-подростка, так что в конце концов решила, что не стоит ссориться из-за имени.

Однако при разговоре с другими, например, с отцом, она всегда называла дочь Делией, лишний раз давая понять, что победа не окончательная. Наверняка надеялась, что дочь еще переберется, но так и умерла, не дождавшись.

* * *

Бабуля, папина мама, жила в трехстах милях от них, если ехать по шоссе, по ровному асфальту с остановками в придорожных кафе, и единственным разногласием был выбор радиостанции (как всегда, «Национальное общественное радио» – раз уж уродилась в семье профессоров колледжа, никуда не денешься, но, слава богу, существуют наушники). Когда стало ясно, что множество людей уже погибло и продолжает погибать и, если сидеть на одном месте, их скоро сцапают представители властей и отправят в какой-нибудь карантинный лагерь, пришлось собрать семейный совет.

– Давайте пойдем к бабушке, – предложила Краш. – Она живет одна в лесной глуши, и добираться можно напрямик по федеральным или землям штата, не выходя на дороги.

– И что ты так трясешься из-за дорог? – удивился Адам. – А если по ним поедem, нас что, настигнут призраки Кольца?

Адам вообще не читал «*Властелина колец*», только фильмы смотрел, и от упоминания этих персонажей она разозлилась, потому что терпеть не могла его многозначительных замечаний о том, в чём он совершенно не разбирался.

– О блокпостах когда-нибудь слышал? Когда надо согнать откуда-нибудь всё население в одно место типа *лагеря*, на дорогах выставляют посты, чтобы задерживать всех, кто к ним приблизится, – объяснила Краш. – А еще на дорогах бывают пробки. Видел в новостях, что творится при каком-нибудь урагане, когда народ толпой валит из города? По дорогам просто не проехать, сплошные аварии.

⁴ «Макбет», акт 4, сцена 1.

– Ну мы-то не в городе живем, – возразил Адам, – а в захолустном студенческом городишке, где три четверти населения появляется только во время учебного года, который, кстати, так и не начался. Когда в последний раз мы ездили в город, половина магазинов не работала, значит, большинство народу уже разъехалось или заразилось. Вряд ли на дорогах будут пробки.

– Ну конечно, и нам ни разу не придется выезжать на другие оживленные дороги или пересекать крупные города, – съязвила Краш, закатив глаза.

– Ну хватит, – отрезал отец, барабаня пальцами по столу.

Отец был высокий и поджарый, с длинными худыми ногами, зеленовато-голубыми, как у дочери, глазами и светлыми редеющими на макушке волосами. И пусть не был похож на деспота, дети послушались с первого слова, хоть уже давно повзрослели.

– Придется идти пешком, по-моему, тут и спорить не о чем.

– Ты серьезно? – запыхтел Адам. – Поверил в ту чепуху, что она вычитала в своих книжках?

– Нет, – ответил отец. – Я верю собственным глазам. В новостях уже показывали, какие на дорогах пробки. А те, кому стало плохо за рулем, наверное, побросали машины. В любом случае от людей надо держаться подальше, хоть мертвых, хоть живых, может, они заразные. А в лес мало кто сунется, так что в одном Краш права – отсюда до маминого дома полно безлюдных мест. Если маршрут прикинуть с умом, дороги и города можно обойти стороной.

– Да мы так целую вечность будем добираться! – заканючил Адам.

– Не хнычь, – сказала Краш.

Глядя на брата, просто не верилось, что он старше. Она где-то читала, что мальчишки психологически взрослеют позже девочек. Похоже, тут как раз такой случай. Но даже понимая причину такого поведения, терпеть его выходки было ничуть не легче.

– Фрэнк, – возразила мама, – а как же нога Делии... Ну сколько она пройдет? Идти-то сотни миль!

– Мам, только не надо делать вид, что я пустое место, – возмутилась Краш. – И вообще, могу пройти побольше некоторых, я же тренировалась.

– А ты не перебивай, Делия. Может, хоть часть пути проедем на машине, чтобы тебе лишний раз ногу не напрягать? Да, я в курсе, что ты несколько недель тренировалась с этим дурацким рюкзаком, но ты просто не представляешь, как это тяжело.

– Это моя нога, – огрызнулась Краш, – мое тело, и я уж как-нибудь в состоянии рассчитать собственные силы.

– Не смей грубить матери, – оборвал ее отец.

Краш не хотела грубить, но как же тяжело всё это выслушивать. Привыкнуть к ноющей боли, отёкам, пристальным взглядам, невероятно бесцеремонным вопросам чужих людей было гораздо проще, чем к такому отношению здоровых, в том числе родных, уверенных в том, что им лучше знать, как ей себя вести.

Хотя ногу отняли давным-давно, мама нет-нет, да посмотрит на протез большими влажными глазами и украдкой смахнет слезу.

Краш не видела смысла оплакивать утрату, но мама не могла сдержаться, словно эти слезы каким-то чудом могли исцелить ее дочь.

А еще Краш бесило, когда люди несли всякий бред вроде: «Ах, какая ты храбрая». Вряд ли у нее прибавилось храбрости из-за того идиота, который уткнулся в мобильник за рулем вместо того, чтобы следить за дорогой, и потому ее сбил.

И вообще, что ей оставалось делать? Отказаться от протеза?

Она выбрала протез, потому что уже в восемь лет понимала – так у нее будет больше свободы передвижения и меньше придется терпеть сочувственные взгляды – если прикрыть протез штаниной, то оставалась заметной лишь легкая хромота. А чужая жалость только раздражала до зубовного скрежета.

– Я не грублю. Только говорю, что справлюсь не хуже вас, – ответила Краш. – Уж столько лет прошло, пора бы уже привыкнуть.

– Да я не говорю, что не можешь, просто вдруг устанешь. Мало ли что ты о себе возомнила, не стоит так ершиться, я же о тебе забочусь, – нахмурившись, ответила мама.

– Хватит со мной носиться, как с недочеловеком, – рассердилась Краш. – У меня не хватает только половины ноги, а мозги все на месте, так что разберусь уж как-нибудь, что мне по силам, а что нет.

– Я просил, не говори таким тоном с матерью, – предупредил отец, но в тот момент его слова канули в пустоту, потому что мать с дочерью устроили Смертельные Гляделки, и для них окружающий мир просто перестал существовать.

– Делия, ты говоришь, что у тебя всё в порядке... – начала мама.

– Да, – перебила дочь.

– От такого количества фантастики точно свихнешься, – заметил Адам.

– Тебя только не хватало, – окрысилась Краш.

– Да, Адам, не вмешивайся, – съязвила мама. – Делия у нас и так всё знает, куда уж там любящим взрослым ей что-то советовать.

– Я тоже взрослая.

– Вот и веди себя по-взрослому. А вдруг от долгой ходьбы мозоль натрешь? А если туда зараза попадет? Об этой жуткой эпидемии вообще молчу, – она взмахнула рукой в сторону окна, намекая на несметные жертвы. – Я про заражение обычными микробами, которые могут попасть внутрь через ранку и тебя прикончить. В лесу нет ни больниц, ни скорой помощи.

– Между прочим, ты тоже можешь заразиться, – возразила Краш. – Споткнешься о какой-нибудь камень, руку порежешь и точно так же подхватишь заразу, как твоя бедная дочь-калека.

Мама ахнула, стиснув зубы, услышав это слово на букву «К», запретное с того самого дня, когда Краш выписали из больницы.

– Ты не калека, – сказала мама.

– Ты так только говоришь, а на деле всё как раз наоборот, – возразила Краш.

Как же бесит манера матери выставлять ее несмышленым ребенком, только маме удалось вызвать этот предательский ком в горле от наворачивающихся слёз, и от бессилия руки сами сжимались в кулачки.

Зря она осталась дома и поступила в тот колледж, где работали родители, это уж точно. При выдающихся успехах в школе могла бы поступить в университет покруче, чем у Адама (вообще-то гораздо престижнее, но она не стала ребячиться, утирая братцу нос, хотя в семнадцать лет сдержаться было ой как нелегко), просто душа болела, как она оставит папу с мамой одних.

Ее родители были постарше, чем у большинства студентов, когда родился Адам, маме было уже тридцать восемь. Хотя они держались молодцом, возраст давал о себе знать – то, что раньше получалось само собой, теперь не ладилось или требовало определенных усилий. Отец принимал таблетки от давления, а мама быстро уставала. Это возрастное, ничего особенного, но Краш не хотела оставлять их в этом доме одних, так далеко от города, особенно зимой, когда для того, чтобы просто смотаться в магазин за молоком, приходилось расчищать длинную подъездную дорожку.

Поэтому Краш, не кривя душой, заявила, что ей хватит диплома того колледжа, где они преподавали. Пускай думают, что она не может обойтись без их опеки, хотя всё было ровным счётом наоборот.

К сожалению, из-за этого родители все еще смотрели на нее, как на ребенка, и добиться независимости взрослого человека не удалось. Мама считала Краш... не то чтобы беспомощной, но уж точно не совсем самостоятельной, несмотря на то что почти все заботы по дому и поручения доставались ей, и при этом она умудрялась не завалить успеваемость ниже 3,8 бал-

лов. Впрочем, что толку от этих оценок. Кому они нужны, когда мир рушится, или, по крайней мере, меняется до неузнаваемости.

За столом мать и дочь прожигали друг друга взглядами. Мать все еще считала Краш ребенком, а та была уверена, что уже повзрослела.

– Ну чего вы застыли как истуканы? А ну отомрите, – сердито сказал отец. – Хватит у нее сил или нет – к делу не относится.

– Я смогу... – начала Краш, но папа поднял руку.

– Неважно, всё равно придется. И мне тоже, и матери, и Адаму. И в одном Делия права, Ширли: она лучше готова к дальней дороге, чем любой из нас.

Мама сердито взглянула на отца, и Краш поняла, что позже, когда они уединятся в спальне, их ждет Серьезный Разговор. Так и вышло – в тот вечер из соседней комнаты доносились голоса на повышенных тонах, периодически стихающие до шепота, когда родители спохватывались, что чересчур расшумелись.

* * *

На том и порешили – отправиться пешком, но кроме Краш к походу никто не был готов, поэтому несмотря на ее решительные возражения, мол, раз решили, значит нечего тянуть, поход отложили на три дня. А тут у мамы появился кашель.

Краш точно вычислила, когда мама заразилась, почти до минуты.

В кладовке было полно еды – в основном, консервов, и других продуктов с длительным сроком хранения, вроде сладких батончиков с мюсли. Живя за городом, приходилось держать побольше запасов, чем у остальных – мало ли, вдруг начнется метель, и до магазина несколько дней не доберешься.

По той же причине в кладовке хранилось самое главное богатство при любом бедствии – запечатанные бутылки с водой.

А вот подходящей для долгих походов обуви и одежды у родителей как раз не оказалось.

Когда Краш и Адам были маленькими, мама иногда водила их в походы, но потом, когда Краш исполнилось десять, бросила это дело. А отец хоть и был не прочь пройтись по лесу, обычно ходил в кроссовках, а полного рюкзака за спиной не носил уже давным-давно. Обоим требовались прочные непромокаемые ботинки, дождевики и спальные мешки. В городке был магазинчик спортивных товаров, где всё это продавалось, и они решили туда отправиться.

– Ни в коем случае, – сказала Краш, когда папа велел всем домочадцам лезть в машину.

Папа только терпеливо смотрел на нее и ждал объяснений.

– Адам же вчера рассказывал про свою последнюю поездку в город, вроде две недели назад – уже тогда больше половины магазинов не работало, – продолжила она. – Значит, эпидемия добралась сюда. Нам крупно повезло, что мы не подхватили заразу. Зачем же лезть на рожон и ехать в город без крайней необходимости?

– Делия, ну я же не могу идти в туфлях на высоком каблуке?

– Так и в неразношенной обуви в дальние походы тоже не ходят, – ответила Краш. – Ты вот беспокоилась, что я натру мозоли, а сама собираешься пройти триста миль в новых ботинках. Да ты все ноги сотрешь!

– Ладно, убедила, – согласился отец, – но нам нужны спальные мешки, дождевики и рюкзаки.

– А старые где? Разве не на чердаке? – поинтересовалась Краш.

– Несколько лет назад мы дали объявление и продали их на «Крейгслисте»⁵, – сказала мама. – Они только место занимали.

⁵ Сайт электронных объявлений, каталог Крейга, пользующийся популярностью в США.

Краш не стала выяснять, зачем понадобилось продавать такие нужные вещи, как походное снаряжение, и при этом хранить в сарае столько барахла, вроде красной детской коляски и трех газонокосилок, из которых работала только одна. Это уже не имело значения. Главное – отговорить их от поездки в город, где можно заразиться.

– Весь смысл нашего плана – не соваться в людные места, где можно подхватить инфекцию, – напомнила Краш.

– Я понимаю, о чем ты, Краш, но мы совершенно не готовы. По сравнению с тобой и даже Адамом – у него хоть снаряжение есть, – согласился папа.

– А вдруг город сейчас прочесывают войска, чтобы отправить всех уцелевших в карантинные лагеря? – спросила Краш.

– Ну и что? – ответил Адам. – Тогда пойдем под карантин. Я бы лучше пошел в лагерь, а не в это дурацкое путешествие по лесам к бабушке.

– Хочешь, чтобы тебя упекли в казенный рассадник заразы вместо того, чтобы оставаться здоровым и свободным? – удивилась Краш.

– Мы все равно не дойдем, – вздохнул Адам. – Прошагаем миль двадцать или тридцать, а потом кто-нибудь устанет, придется делать привал, а ночью военные заметят костер, и всех повяжут. Лучше уж сразу отправиться в лагерь, чем по лесам скитаться.

– Решение уже принято, Адам, – хмуро глянул на него отец, а потом посмотрел на дочь. – А еще решено, что надо ехать в город за нужным снаряжением. Если вы с Адамом боитесь заразиться, можете оставаться, а мы с мамой всё равно поедem.

– Нет уж, лучше не расставаться, – тут же сказала Краш.

В книгах такое тоже постоянно встречалось. Герой говорил: «Ждите здесь, а я схожу проверю какую-то фигню в паре миль отсюда». И что? Само собой, пропал с концами. Тогда остальные отправлялись на бессмысленные поиски и подвергались опасности.

Краш знала, отпусти они родителей одних, те не вернутся. Обязательно случится Что-нибудь Страшное. А если держаться вместе, всё обойдется. Таковы Законы выживания при апокалипсисе, которые она собиралась соблюдать, пока они благополучно не переступят порог бабушкиного дома.

Однако Краш и в голову не приходило, что, когда они придут, то не застанут бабушку дома. Даже хотя каждый день кругом умирали сотни, тысячи людей, она не представляла, что бабушка тоже может погибнуть от этой повальной заразы.

Такая чепуха бабушкам нипочём. Они живут себе потихоньку, год за годом, дряхлые и сморщенные, но будто вечно в одной поре. Похоронив дедушек и справив поминки, бабушки, засучив рукава, принимаются за дело. Бабушки справляются с чем угодно (разве что, кроме смартфона, – тут им требуется помощь, но в нынешней обстановке смартфоны всё равно превратились в мусор, а значит, теперь и придаться не к чему) и пройдут через любые испытания. Поэтому в конце пути бабуля их встретит.

А Краш готова была в лепешку расшибиться, чтобы все четверо дошли до цели, как ни малы шансы, но отец настоял на поездке в город. Там-то мама и заразилась.

* * *

В самом начале Кризиса удалось запастись упаковками хирургических масок и перчаток. Она заказала их через интернет с доставкой на дом задолго до того, как их расхватили в местной аптеке.

Еще до начала этой безрассудной вылазки в Зону Заражения, перед тем как садиться в машину, она вручила всем маски и перчатки с таким серьезным видом, словно священник, раздающий прихожанам гостию.

– И нечего тут глаза закатывать, Адам, – сердито сказала Краш. – Ты, конечно, идиот, но тебе еще жить да жить, так что надевай маску.

– Думаешь, эта тонюсенькая фигня поможет? – недоверчиво разглядывая маску на про-свет, спросил Адам.

– Болезнь передается воздушно-капельным путем, верно? – уточнила Краш. – По крайней мере так уверяют специалисты Центра по контролю и профилактике заболеваний. Конечно, если вирус еще не мутировал.

– В *Неземную Тварь!* – сказал Адам голосом рассказчика из фильма ужасов.

– Маска не повредит, – отозвался отец обманчиво добродушным тоном, это значило, что возражения излишни.

Адам надел маску.

Мама тоже в сомнении оглядела маску, но надела ее без жалоб, тщательно расправив волосы под завязками. Краш так и подмывало вставить шпильку, мол, для кого ты прихорашиваешься, но она вовремя прикусила язык, потому что отголоски недавней ссоры еще витали в воздухе, и хотелось бы разрядить обстановку, а не доводить до полномасштабной войны.

И потом, прическа для мамы была щекотливой темой. Она часто с завистью гладила волнистые локоны Краш и всё твердила, мол, как ей повезло с волосами, доводя до белого каления.

У мамы волосы так курчавились, что только дай им волю – получился бы шикарный одуванчик в стиле афро, как у Пэм Гриер⁶.

А маме такой стиль не нравился, она мечтала о прямых и гладких волосах, полной противоположности тому, чем наградила ее природа. Вот и увлеклась всякими химическими средствами – бальзамами, маслами, смягчителями волос – и старательно искореняла любой намек на завитушки. Она очень гордилась своей внешностью и не считала всякие мелочи, вроде глобальной эпидемии, поводом снижать планку.

Несмотря на то, что семья была в сборе, Краш, сидя в медленно ползущей по извилистым проселкам машине, всё никак не могла отделаться от растущей тревоги. Отец никогда не превышал скорости, даже если мама, известная среди местных полицейских «гонщица», скрипела от нетерпения зубами на соседнем сиденье, и остался верен привычке даже теперь, когда некому стало штрафовать за нарушения.

Краш поглядывала в окно на попадающиеся там и сям вдоль дороги дома. В основном, они стояли вдали от проезжей части, как и их дом, и поэтому трудно было определить, остались ли в них кто живой. Она искренне удивилась, не заметив на обочине брошенных машин. Да, эти места оживленными не назовешь, но мог же кто-нибудь из заболевших попытаться выбраться из города, а потом остановиться, не в силах ехать дальше. Однако ничего подобного она не заметила.

На подъезде к городу она увидела, что в некоторых домах выбиты окна, а машин возле них на дорожках совсем мало. Похоже, оставшиеся в живых занялись мародёрством в поисках продуктов, лекарств и одеял. Их можно было понять, ведь надо как-то выживать, но при виде чьих-то взломанных дверей, болтающихся, словно пьяные, на одной петле, оскверненных жилищ, разбросанных на лужайках пожитков, становилось как-то не по себе. Может, голодному и нет никакого толку от чужих фотографий, но зачем их рвать и разбрасывать кругом? Разжиться всем необходимым можно по-разному, но при этом необязательно вести себя по-варварски.

Застройка становилась всё гуще, значит, до центра уже недалеко, и всё чаще встречались следы разрухи, беспорядков и паники. Просто поразительно, как резко всё изменилось за те пару недель, что они не наведывались в город.

⁶ Пэм Гриер (род. 1949) – американская актриса.

В прошлый приезд многие заведения уже закрылись, опустело несколько домов, но такого ощущения безысходности не было: просто непривычное затишье из-за иссякнувшего потока машин и поредевших толп людей. Продуктовый магазин тогда ещё работал, и хотя выбор остался небогатый, элементарные правила приличия пока соблюдались – никто не старался заграбастать себе последние бутылки молока, не оставив ничего другим, и не дрался из-за ящика с бутилированной водой. В конце концов, мир тесен, а в небольших городках все друг друга знают. Никто не хотел оскандалиться и прослыть негодяем на всю округу.

А сейчас страшно было видеть валяющуюся посреди улицы обгорелую мебель и разбросанную на тротуарах одежду. От битых бутылок, валявшихся повсюду, и бурых пятен, явно смахивающих на кровь, бросало в дрожь.

А потом они что-то увидели.

Точнее, сначала почуяли – резкую, тошнотворную вонь, просочившуюся сквозь закрытые окна машины и маски на лицах. Несло бензином и горелым салом, как от язычков пламени при жарке шашлыка, когда жир капает на угли.

Мама протянула руку и воскликнула:

– Боже мой, да что там такое?

Посреди улицы перед ними виднелась огромная куча... непонятно чего. В лучах заходящего солнца она казалась большой черной тенью, не аккуратным холмом, а кое-как наваленной, расплывающейся кривобокой пирамидой. И при этом высокой – может, не до второго этажа, но почти. Отец убавил скорость и остановил машину в футах сорока-пятидесяти от горы.

– Выйдем и посмотрим, что там? – спросил Адам.

В голосе слышался страх – Краш редко видела брата таким. Адам всё время хорохорился, лет еще с двенадцати-тринадцати, и даже когда разразился Кризис, оставался почти таким же беспечным невзирая на все передраги. Забеспокоился он, лишь когда смартфон перестал ловить сигнал из-за отсутствия связи.

– Наверное, придется, – неохотно согласился отец, явно не горя желанием выходить из машины. – Деваться некуда, надо ее как-то обходить, чтобы попасть в магазин Знатока.

– Ломиться напролом вовсе не обязательно, можно вернуться домой и что-нибудь сообразить из того, что есть, – предложила Краш.

Родители переглянулись, и отец поморщился.

– Если бы, Краш, – только мы еще не добыли того, за чем сюда приехали.

– А если магазин спортивных товаров разграблен? – с ноткой отчаяния в голосе спросила Краш.

Ей не хотелось, чтобы мама вышла из машины и увидела вблизи, что там творится. Она и сама не понимала, почему так важно этого не допустить, но тем не менее. Мама только притворялась суровой, потому что была натурой чувствительной. Даже смотреть вместе по телевизору (пока не прекратились все передачи), как одни люди измываются над другими – совсем другое дело. А тут всё прямо перед глазами, живьем, а не по ту сторону экрана телевизора или объектива камеры. И не сто́ит маме на такое смотреть. Просто не сто́ит.

– Наверное, оставлю машину здесь, – как-то неуверенно произнес отец, что на него было совсем не похоже. Не к добру это – не успели выбраться в город, а уже двое выбиты из колеи.

– Только сначала развернись, а потом выйдем, – попросила Краш.

Папа оглянулся через плечо на ее постоянное, с раннего детства, место на заднем сиденье. Все четверо расположились на своих законных местах: папа – за рулем, мама – рядом, Краш – позади мамы, Адам – за спиной отца. «Мальчики налево, девочки направо», так захотелось Адаму лет в пять, и с тех пор это вошло в привычку.

Отец будто хотел спросить зачем, но передумал и просто нехитрым маневром развернул внедорожник на пяточке в обратную сторону.

На мгновение у Краш мелькнула шальная мысль: а скажи она отцу не останавливаться, а возвращаться домой, пока не отошел от потрясения при виде той кучи, он бы послушался?

Нет, пожалуй, командовать два раза подряд – такое ей с рук не сойдет, это всё-таки отец, и через минуту он придет в себя.

Отец вынул ключ из замка зажигания, и все как один выбрались из машины, словно в каком-то синхронном танце. Краш закинула на плечи рюкзак и захлопнула за собой дверцу. Они оказались прямо перед этой преградой посреди улицы, и вонь ударила в нос гораздо резче, чем в машине, ведь маски, в лучшем случае, защищали только от заразы, а не от смрада.

Они молча шли вперед, ведь каждый понимал, что всё равно придется миновать эту Гадость, что возвышалась на пути, и чем скорее, тем лучше.

А еще, наверное, все уже догадались, что у них перед глазами, только не отваживались произнести вслух.

Впрочем, когда они приблизились футов на двадцать, никаких сомнений уже не осталось, и весь ужас происходящего стал очевидным.

Какой-то человек, точнее, какие-то люди сволокли множество трупов на эту улицу в черте города, свалили их в кучу и подожгли. В середине, где огонь горел жарче и дольше, остались обугленные скелеты, но по краям и внизу тела, хоть и обгоревшие местами, еще сохранили человеческий облик и словно таращились вокруг широко распахнутыми глазами.

«Надеюсь, они уже были мертвы, очень надеюсь, – размышляла Краш, – тихо скончались у себя дома и не испытали этого ужаса – сгореть заживо из-за какого-то кашля, потому что кто-то решил наспех зачистить город, предав огню всех заподозренных в болезни. Иначе получается, что даже я, при всей своей склонности драматизировать, не могла вообразить, насколько всё плохо».

Ее охватило беспокойство вперемешку с удивлением, кто же умудрился собрать эту гору и разжечь костер, и где эти люди сейчас. Окинула взглядом всё вокруг в поисках подозрительного движения на верхних этажах. Не может же быть, чтобы во всем городе не осталось ни единой души.

Кто-нибудь должен остаться, может, из-за болезни или от страха покинуть родной дом. Должны быть очевидцы случившегося здесь кошмара.

И тут мама издала такой звук, словно поперхнулась, скрючилась, безуспешно пытаясь сдержать накатившую от невыносимой вони тошноту, а потом поступила *крайне безрассудно* – потянула за эластичную завязку и сорвала маску.

– Не надо! – воскликнула Краш, но было уже поздно. Мама выронила маску на землю и рухнула на колени.

Отец склонился над ней, придерживая за плечи судорожно сотрясающееся тело.

– Ничего, Ширли, ничего страшного.

Краш подскочила к матери и схватила маску. *Может, еще не поздно.* Если поскорей надеть маску, может, всё обойдется. Понятное дело, блевать с маской на лице приятного мало, даже представить трудно, насколько это ужасно, но ведь ее можно было просто сдвинуть на нос.

– Ничего страшного, – успокаивал отец, поглаживая маму по спине между лопаток. – Просто дыши поглубже.

– Нет, нет, – простонала Краш. – Глубоко не надо.

Никто ее тогда не слушал, и ей больше ничего не оставалось, только сидеть и беспомощно смотреть, как мама, ее замечательная, прекрасная, своенравная мама, с которой они не всегда сходились во мнениях, но несмотря ни на что любили друг друга, судорожно хватая ртом воздух, пытаясь унять рвоту.

Краш так и мерещилось, как эта зараза, прикончившая столько людей, с каждым вдохом устремляется маме в рот и нос, ликуя в предвкушении новой жертвы.

Может, всё обойдется. Может, в воздухе нет заразы, ведь все больные сгорели в этом костре, а с ними и микробы.

Но Краш не дуручка, ее не проведешь, она, конечно, не врач, но жутко боялась микробов и вычитала, что истребить их полностью практически невозможно. Некоторые самые стойкие всегда выживают и начинают производить более устойчивое потомство.

А может, микробы проникают в мамины легкие, устраивая пир горой в каждом бронхе до самой мельчайшей бронхиолы, но ей всё равно ничего не будет, вдруг у нее окажется иммунитет.

(Если мама подхватила вирус, значит, и папуля может от нее заразиться).

Ну что за детский сад, мелькнула мысль, она ведь уже лет десять не называла его папулей. *(Или Адам).*

Брату заболеть она тоже не желала, хоть этот вредина ее уже порядком достал, но статистика была неумолима – если в семье появляется больной, большинство родственников тоже заражаются и погибают.

Именно поэтому она всех отговаривала от этой поездки. Вот почему велела надеть маски, а теперь в безотчетной панике сидела и смотрела, как мама вдыхает смертельно опасный зараженный воздух.

Позднее, когда они уже были дома, тревога всё не отпускала, а на следующий день у мамы начался кашель, и оттого, что она оказалась права насчет грозившей им опасности, когда её никто не послушал, легче ничуть не стало.

Наконец мама справилась с тошнотой и тут же надела маску, но Краш понимала, что она просто хотела ее успокоить. Они осторожно обошли гору тел и направились к магазинчику спортивных товаров.

В городке была настоящая главная улица, как в старину, хотя с каждым годом всё больше местных заведений вытеснялись франшизами крупных торговых сетей. Студентам колледжа даже нравилось, что рядом есть «Сабвей», «Старбакс» и «Чипотле», хотя благодаря их (нездоровому, как считала Краш) пристрастию к блюдам из цельной пшеницы и домашним овощным супам местный вегетарианский ресторанчик еще кое-как держался на плаву.

Все магазины, попадавшиеся по пути, были давно разгромлены и разграблены, словно в городе орудовала преступная банда, а не кучка отчаявшихся людей. От этого становилось как-то не по себе, как будто рядом рыскает стая голодных волков, готовая сожрать кого угодно. Краш снова невольно огляделась, высматривая тех, кто наверняка должен был остаться в городе, но никого не заметила.

Кругом – ничего, никого и ни звука. И тут она поняла, что ее тревожило больше всего – тишина. И дело даже не в отсутствии обычной людской суеты, звонков сотовых телефонов, рева машин на дороге. Не хватало того шумового фона, которого люди обычно не замечают, вездесущего гудения уличных фонарей. Без него улицы казались какими-то пустыми, слишком гулкими. И вся эта пустота может кишеть мельчайшими невидимыми микробами, ищущими нового хозяина, летучей смертью.

После увиденного на улицах города плачевное состояние магазинчика спорттоваров Знатока их уже не удивило – витрины разбиты, а товары, которые владелец Энди Хохоловски, по прозвищу «Знаток», обычно держал на полках в идеальном порядке, разбросаны по всему полу, словно каким-то шальным разрушительным вихрем.

В магазин можно было забраться прямо через разбитые витрины, но Адам всё-таки распахнул дверь. Замок был взломан, но, когда они протиснулись внутрь, колокольчик над дверью весело звякнул.

Краш машинально поискала за прилавком Знатока, ожидая обнаружить его на месте, как всегда, в синей фланелевой рубашке (он носил только синие, с разным рисунком и в разных сочетаниях, но синий цвет обязательно присутствовал) с неопределенным выражением то ли

улыбки, то ли недовольства на лице. По натуре он был брюзгой, не особо дружелюбным, но при этом кладезем всевозможной информации, которой ему не терпелось поделиться, ради чего он и открыл магазин.

– А еще потому, – однажды пояснил он Краш, – что вдоволь наслушался приказов в армии и больше не желаю, чтобы мной командовали.

Конечно, Знатока на месте не оказалось, и Краш задумалась, попал ли он в ту кое-как сваленную кучу обугленных скелетов в центре, спокойно умер у себя в квартире наверху или сумел выбраться из города и теперь скитается где-то в лесу в ожидании, когда всё это закончится.

Она очень надеялась на последний вариант и на встречу с ним где-нибудь по дороге. Краш была не слишком общительна, но не прочь встретиться со Знатоком и принять в свою тесную компанию.

Когда ей сделали первый протез, она почувствовала себя какой-то инопланетянкой, словно оказалась в центре всеобщего внимания. После первой примерки они с мамой зашли в кафе за мороженым в вафельном рожке, а ветхозаветная хозяйка Мэри-Джейн (конечно, на самом деле ей было не две тысячи лет, просто восьмилетнему ребёнку старики казались допотопными реликвиями, словно всю жизнь были такими старыми, даже в молодости) вместо маленького рожка вручила ей полную вазочку мороженого со взбитыми сливками, шоколадной глазурью и вишенкой сверху, многозначительно добавив маме:

– За счет заведения.

Она понимала, что подарок от доброты душевной, чтобы ее подбодрить, но от этого стало только хуже – Мэри-Джейн ее пожалела. Мороженое не лезло в горло, и пришлось глотать через силу, не чувствуя вкуса и борясь с приступами тошноты при каждом воспоминании о взгляде сердобольной старушки, но она всё-таки доела до конца и поблагодарила с вежливой улыбкой, а когда Мэри-Джейн спросила, как ей понравилось, соврала:

– Такой вкуснятины в жизни не пробовала.

Потом они отправились в спортивный магазин за новой парой кроссовок (правая нога успела подрасти, хоть левой было уже не суждено), и когда вошли внутрь, Знатор оторвал взгляд от прилавка со своей обычной полуулыбкой-полугримасой, словно не мог определиться с выражением лица.

Он проковылял вокруг прилавка им навстречу, остановился прямо перед Краш и молча задрал правую штанину, под которой блеснул металл. Она удивленно вытаращилась в его ярко-синие глаза, а он только подмигнул и, опуская штанину, спросил:

– Чего угодно дамам?

До этого момента она и не подозревала о том, что в далекой заокеанской пустыне какой-то самопальной миной ему оторвало ногу выше колена, ведь на нём всегда были широкие штаны до щиколоток с нашитыми карманами. Но при виде этого протеза под закатанной штаниной ей полегчало сильнее, чем от десяти порций мороженого.

На кассовом аппарате виднелось множество вмятин, похоже, от ударов кувалдой, и денежный ящик опустел. Интересно, какому идиоту в нынешние времена понадобились деньги? Они же просто превратились в зелёные бумажки.

На множество полезных вещей вандалы не позарились, и семейство запаслось спальными мешками для Фрэнка и Ширли, новыми дождевиками, рюкзаками, фонариками и прочим необходимым снаряжением, что посоветовала Краш.

– Делия, как же я это всё потащу? – усомнилась Ширли, глядя на огромный рюкзак, который ей вручила Краш.

Вариантов ответа было множество, например: «Хочешь жить – умей вертеться», «Без хорошего снаряжения до бабушки всё равно не добраться» или «Если ты заразилась, когда снимала маску, может, уже и не придется», но ничего такого она не сказала.

Просто погладила мать по плечу и подбодрила:

– Ничего, мам, справишься.

Мама выпустила рюкзак и крепко-крепко стиснула дочь в объятиях, а Краш обняла ее в ответ, уже понимая, что с этой заразой маме не выжить.

Глава четвертая

Не озаряй, высокий пламень...⁷

Позже.

Краш приснился сон, только не про «койота». Устраиваясь на ночлег в той хижине, она и не рассчитывала, что стены оградят ее от кошмаров. От них никуда не денешься. Ожидала увидеть мерцание его глаз в свете костра, снова ощутить скользкую кровь на лезвии топора.

«Койота» во тьме не оказалось. Вместо него привиделся тот перекресток, после которого на топоре появилась кровь, уже засохшая к тому времени, когда «койот» забрел на огонек.

Еще за несколько дней до подхода это место наводило на нее ужас самим фактом своего существования. Самое противное, что перекрестки входили в пятерку тех мест, которые при апокалипсисе следовало избегать всеми силами, но обойти его было никак нельзя.

Перекресток федеральной автострады.

До того как эта доселе невиданная зараза подкосила три четверти населения страны, автострады были просто чудом современных технологий, хотя многие этого не замечали. Ровные дороги, пересекающие несколько штатов по прямой, с ресторанами, туалетами и мотелями через определенные промежутки – это же сказка. Без них были бы невозможны ни дальние перевозки, ни само понятие путешествия через всю страну. Да, на них случались и аварии, и пробки длиной в несколько миль, но ничто другое не смогло бы так связать Америку в единое целое.

Но после того как разразился Кризис, единственным синонимом автострады стало слово «ОПАСНОСТЬ». Именно так она его представляла, заглавными красными буквами.

Большинство людей, пеших или за рулем, стараются держаться магистралей, ведь это удобные, четко обозначенные линии, связывающие пункты А и Б, на которых нет нужды продирается сквозь заросли или заморачиваться с компасом. Следовательно, все уцелевшие соберутся или на шоссе, или где-то рядом, а Краш всеми силами старалась держаться от них подальше.

А еще там наверняка скопилось множество брошенных машин, и могут попасться не только заразные трупы, но и бандиты, подстерегающие очередную жертву. Для любителей грабежа, насилия и резни, следующих самым низменным человеческим инстинктам, автострады стали настоящими кормушками.

Даже если не считать притаившихся где-то там убийц, остается очень высокий риск наткнуться на армейский блокпост, а у военных много собак, так что даже попадаться им на глаза очень опасно.

Пересекать автостраду не было никакого желания, и на то было немало веских причин.

Но эта автострада проходила как раз поперёк маршрута, и чтобы ее обойти, пришлось бы сделать крюк в несколько сотен миль.

Даже незаметно приблизиться к этому шоссе не так-то просто. От опушки леса, где она пряталась, до проезжей части было футов сорок открытого пространства.

Краш замешкалась под прикрытием деревьев, жалея о том, что они не могут вдруг встряхнуться и двинуться вслед за ней, словно ватага энтов⁸. Впереди желтела полоса жухлой травы, слишком низкой, чтобы в ней спрятаться, зато для клещей в самый раз. Клещей она

⁷ «Макбет», акт 1, сцена 4.

⁸ Энты у Дж. Р. Р. Толкина – один из народов Средиземья, внешне напоминающие деревья.

терпеть не могла и каждый вечер после скитаний по лесу тщательно осматривала себя с головы до пят – не хватало еще пережить эпидемию Кашля и при этом подхватить болезнь Лайма.

За полосой клочковатой травы вдоль самой дороги для стока дождевой воды был устроен глубокий кювет с очень крутыми стенками, насколько удавалось разглядеть из укрытия. С рюкзаком да на одной ноге преодолеть любое препятствие становилось делом непростым, и необходимость спускаться в канаву, а потом карабкаться наверх совсем не радовала. И там она будет у всех на виду, беззащитной, словно трепыхающийся в банке мотылек.

Хорошо хоть армейских блокпостов не заметно. Виднелись только машины, некоторые рядами в гармошку: наверное, кто-то резко ударил по тормозам, а следующие за ним затормозить не успели. Даже издалека в некоторых машинах виднелись человеческие тела.

Само собой, неподвижные.

Всё словно застыло. Вокруг ни единой души, ни птиц, ни кроликов, ни оленей. Пустота. Даже ветерок такой слабый, что едва колышет волосы.

– Ну что, кажется, безопасней уже некуда, – шепотом подбодрила она себя, чтобы никто не услышал, и двинулась вперед по желтой траве, которая оглушительно зашуршала под ногами в мертвой тишине.

Добравшись до кювета, она помедлила, прикидывая наилучший план действий. Кювет казался достаточно узким, чтобы перешагнуть, не спускаясь на всю глубину. Грохнуться кубарем вниз, просчитавшись с расстоянием, и сломать протез очень не хотелось, так что, если на середине спуска канавка окажется слишком широкой, придется ползти до самого дна, а потом выбираться наверх. По дну текла такая мерзкая вонючая жижа, что ботинки в ней лучше бы не марать.

Перешагнуть на ту сторону всё-таки удалось, причём еле-еле. Чтобы не опрокинуться навзничь и не плюхнуться мешком на дно, дрыгая конечностями, как черепаха, пришлось изо всех сил вцепиться руками в землю.

До проезжей части она доползла уже на последнем издыхании, пытаясь перелезла через металлический отбойник и наконец шумно выдохнула. Из-за гармошки столкнувшихся машин вперед было не пройти, разве что перелезть поверху. В крайнем случае можно и так, но овчинка выделки не стоит, лучше немного пройти на восток и поискать просвет между бамперами.

По пути она старалась не заглядывать в окна машин – не от излишней брезгливости, просто глазеть на разлагающиеся трупы было незачем, да и как-то неловко, словно вмешиваешься в чужие дела.

Наконец между огромным синим внедорожником и крошечной серебристой «хондой» нашелся зазор, где удалось протиснуться бочком, и поскольку больше смотреть было некуда, она невольно заглянула в салон «хонды», в котором оказалась вцепившаяся в руль длинноволосая женщина с разинутым ртом и вытаращенными глазами, точнее, почти пустыми выеденными глазницами. Кожа у нее на лице словно шевелилась, и тут Краш поняла, что там кишат насекомые, пожирающие плоть.

Но по-настоящему девушка оторопела, увидев маленькую высохшую мумию, заботливо пристегнутую ремнем безопасности на заднем сиденье.

Краш крепко зажмурилась, вслепую протиснулась между машинами и лишь отвернувшись в сторону, открыла глаза. Потом проворно пересекла еще две полосы, перелезла через разделительное ограждение и устремилась к полю по ту сторону шоссе. Кювет там оказался положе, склоны не такие крутые, преодолеть его удалось гораздо легче, и она уже бодрее зашагала по точно такой же полосе желтой травы, что осталась на противоположной стороне.

Она старалась не пропустить ни единого шороха от чужих шагов, но при виде приближающегося леса потеряла бдительность, да еще та жуткая картина в салоне «хонды» так и стояла перед глазами.

Поэтому заметив какую-то блондинку, выходящую из-за деревьев, она ошеломленно замерла. Надо же, чуть не проворонила! Рука машинально потянулась к висящему на боку топору.

– Привет! – дружелюбно помахивая рукой, воскликнула незнакомка.

Между ними оставалось футов десять, так что Краш отчетливо разглядела чересчур приветливую улыбку, как у администратора в приемной врача – сама услужливость, любезность, хихикающая над дурацкими шутками посетителя, предъявляющего страховую полис.

Одета явно не по погоде – серая толстовка с капюшоном, обрезанные джинсы и черные полукеды на босу ногу, руки и ноги сплошь в ссадинах и укусах насекомых.

– Привет! – повторила она, скалясь в застывшей словно маска улыбке, и шагнула навстречу.

«Знаем таких», – подумала Краш.

В этой женщине все было подозрительно: одета странно, при себе ни сумки, ни рюкзака, да и выскочила из леса как нарочно в том месте, где можно перейти шоссе.

«Осталось только выяснить, сколько их еще там прячется», – подумала Краш и осторожно расстегнула пластиковый чехол топора.

Женщина так старательно ловила взгляд Краш, сверкая модельной белозубой улыбкой, что даже не заметила ее неуловимого движения.

– Привет! – снова повторила она, и на сей раз в голосе промелькнуло скрытое раздражение. – Ты одна?

Краш не ответила, только аккуратно сняла рюкзак и опустила на землю под ногами.

Белокурая наживка (*именно так, ее использовали для одурачивания одиноких путников, и сейчас она пригласит Краш посидеть у костра, а потом они вместе с друзьями насадят ее на вертел и сожрут до последней косточки*) приблизилась еще на шаг, а Краш выхватила топор из чехла и выставила вперед:

– Не подходи.

– Ты что! – воскликнула женщина, театральным жестом вскинув руки. В ней было столько фальшивой, наигранной беспечности, что стало ясно – где-то рядом притаился как минимум еще один сообщник.

– Ну зачем ты так, – укорила она. – Я же тут совсем одна, прямо как ты. Надеюсь, что мы подружимся.

– Мне лишних друзей не надо. Их и так полный «Фейсбук», – сказала Краш. – Стой, где стоишь.

Улыбка наконец увяла.

– Ты смотри, какая невоспитанная. Со всеми незнакомыми так здороваешься?

«Только с теми, кто собирается на меня напасть», – подумала Краш, но ответила только:

– Да.

– Слушай, ты же одна, я тоже одна, вот и подумала, может, нам вместе будет безопасней.

– Может быть. Только ты не одна.

Женщина всего на мгновение стрельнула глазами куда-то в сторону.

«Карие, – машинально отметила Краш. – Странное сочетание – кареглазая блондинка».

Ага, значит, как минимум один подкрадывается справа. Наверное, прятался на шоссе среди машин, а когда оказался у Краш за спиной, подал сигнал наживке.

– Да ты что! Я совсем одна осталась, все родные умерли, – со слезами в голосе взмолилась она.

– Хватит на жалость давить. Неужели действует?

Краш старалась держаться хладнокровно, не повышать голоса, но сердце так бешено колотилось, что во рту появился привкус крови. Не факт, что из этой передряги удастся выбраться живьем, даже если всё сделать как надо.

– Какую еще жалость? – вспыхнула незнакомка.

Наконец-то прорезались искренние чувства, окончательно разрушив притворную маску.

– У меня правда все умерли: муж, дочка, двое сыновей и сестра со всей роднёй. Никого не осталось. Ни единой души.

– И что бы они сказали, если бы сейчас тебя увидели? Хороша родня, есть чем гордиться – грабит незнакомо человека.

Женщина осеклась, словно получив оплеуху, от потрясения вышла из роли и снова мельком глянула вправо, так что Краш вполне успела обернуться и заметить нападавшего.

Высокий, худой, длинные черные волосы лоснящимися прядями прилипли ко лбу, в правой руке охотничий нож. С противником такого роста справиться будет ой как нелегко, придется уворачиваться от длинных рук и действовать как можно быстрее.

Как-то в колледже она проходила начальные курсы самообороны. На них учили не затягивать схватку, а быстро обезвреживать нападающего настолько, чтобы успеть убежать. Так что она не стала напускать на себя воинственный вид, словно собираясь принять бой, а прижав топор к боку, дождалась, когда враг приблизится, присела на правое колено и рубанула топором в бедро.

Кровь брызнула в лицо, но времени на раздумья не было: некогда было переживать из-за того, что кровь попала в рот и нос, а ведь он может быть заразен. Мужик завопил, выронил нож, и в этот момент она нанесла удар по второй ноге.

Он с воплями рухнул наземь, осыпая ее проклятиями.

Краш поспешно вскочила на ноги и обернулась к блондинке, ожидая, что та уже ринулась на нее, но женщина застыла на месте с разинутым ртом, словно остолбенев от неожиданного поворота сюжета какого-то фильма.

Мужик всё не унимался, понося Краш на чём свет стоит, но голос его быстро слабел, словно лебединая песня.

Краш задела артерию. Сомнений не было, потому что кровь хлестала толчками с каждым ударом постепенно угасающего сердца.

– Па-а-па!

– Па-а-па! – раздался вдруг крик, из-за деревьев выскочил долговязый подросток, как две капли воды похожий на умирающего перед ней человека, промчался мимо оцепеневшей блондинки и бросился на землю рядом с отцом.

На мгновение ей стало даже жалко этого человека, который явно собирался ее убить. Мальчишке на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, вполне достаточно, чтобы представлять для нее опасность, но он лишь рыдал, бросившись отцу на грудь.

Краш опротивела самой себе из-за того, во что превратилась, но вины на самом деле не чувствовала. Она ведь просто не дала себя в обиду, в чем же ее вина?

Кровь еще кипела от адреналина, руки ходили ходуном, но она подхватила рюкзак и скинула на спину, держа топор наготове и не спуская глаз с рыдающего парнишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.